Страх

Ожиданье в сумерках — тебя. Не уйти, иначе будет вечер.
День теряет краски, все губя, только ожидание и лечит.
Вижу очертания твои, память так податливо-послушна,
Ты не можешь не прийти, пойми, ты не можешь этот мир разрушить.

Шагу не ступить, так хрупок лес, и река, снопы в стеклянной дымке,
Синее мерцание небес, все как вспышка на мгновенном снимке.
Помню лишь одно: тебя найти, больше мне заполнить вечность нечем,
Луч последний лист позолотил… Боже мой, а вдруг наступит вечер?

Перевод Елены Ивановой

Горечь

Ну вот и осень, темная вода
Плотину атакует. Бой без правил.
Опять не вышла первая звезда,
Дожди, дожди...
И ничего уже нам не исправить.
Чем тяжелее одеяло, тем
Нам холодней с тобой
Под лунным светом,
Лишь бронзовою зеленью луна
Напоминает нам о том,
Что было лето.
Давно ли говорили мы с тобой?
Так редко прежний голос твой я слышу,
Ты рядом, здесь, лишь шевельну рукой,
Дотронусь — не становишься ты ближе...
Когда друг друга не согреть, огонь
Одна надежда, разжигаю печь я,
Но гаснет он, и что-то в нас с тобой
Погасло, и согреться больше нечем.
А так старались, лето напролет
Тащили в дом, не глядя друг на друга,
Каких-то слов, предметов хоровод...
К чему? Зачем? Не выбраться из круга,
Не разгрести теперь. Не осознать
Того, что было, и того, что стало,
И ливней беспрерывная канва,
И долгая, как сумерки, зима,
Два наших профиля холодных ей под стать,
И долгие часы вдвоем без сна,
И общая, как приговор, кровать.

Перевод Елены Ивановой-Верховской

Уже два года

1.

Выносить все это сложно.
Помнишь? Встретились: — Привет! —
— Как ты? Хорошо? Я тоже...
А на самом деле — нет.

2.

Погоди же. Подойди поближе.
Только не вымучивай улыбку.
Все еще тебя я ненавижу.
Но свобода может быть ошибкой.
Лучше обожги сверлящим взглядом.
Лучше прокляни. С причиной, без ли...

Но не улыбайся так, не надо!
Не напоминай, что все исчезло.

3.

Вот уже два года между нами.
Не виню тебя. Не злишься ты.
Но глаза встречаются с глазами,
Словно разведенные мосты.

4.

Видишь прежнего меня — как из-под воды.
Вижу прежнюю тебя — как из-под воды.
Камень в глубине ручья — чист он и красив.
Камень сквозь струю ручья — чист он и красив.

А сейчас в лице моем — одиночество.
И гляжу: в лице твоем — одиночество.
Камень серой мостовой, брошенный в пыли.
Камень серой мостовой, без травы, в пыли...

Перевод Елены Исаевой

В день увольнений

О. Меласу и А. Вонхазу

Куда?
Подорожником поросший холм гарнизонного стрельбища.
Тополя отдают нам свое серебро, но какая цена
усталому трепету этих деревьев,
окружающих плац? —
Куда?
Вижу, как в негативе,
этот путь через плац,
черный строй тополей в лунном свете,
белые радиаторы батарей,
бесконечные вереницы бетонных коридоров.
Окно,
Окно.
Ряд окон.
Память Голгофы крестом на стекле: —
куда?
Где спрятаться, чтобы не видеть:
ворота,
как невинные руки Пилата,
как распростертые крылья.
Но какая цена?
Сколько стоит выход туда,
куда идти незачем?
Железные гвозди.

Сапожные гвозди.
Шахта лифта.
Ярусы железных кроватей.
Неосвещенные этажи казармы.
Не смотреть!
Не видеть!
Потным лицом — в подушку, как в маску противогаза.
Падает песок в часах —
мое сокровище: время, когда мне никто не отдаст приказ —
уходит воронкой, бесцельно.
И пусть уходит.
Сколько стоит старая песня в черной закваске легких,
и вкус домашнего хлеба,
там, где вино, покрываясь рябью, стало болотом,
там, где ты задыхаешься, снова и снова передергивая затвор?
Вот сколько стоит:
домашнее сало, лук, хлеб
в посылке из дома, иногда книга.
Можно вспомнить, можно даже приехать проведать,
когда на местной Голгофе, как слезы,
будут падать осенние листья.
Тянутся дни, будто кибитка в степи,
Будто казармы рядами на Горе Искупленья,
Где на пути пилигримов камни ступеней пахнут воском сгоревших свечей.
Они здесь спасли свою душу, а я свою душу теряю.
Плотники ладят кресты.
Часы роняют песок, словно слезы.
И я не уверен, что меня где-то ждет
та, что дарит покой, та, что знает секрет избавленья. —
та, что подарит свою нежность, как белый платок.
Ведь нельзя нам до смерти прожить
чужаками на общей земле.
Ведь за частью есть целое,
и без него нам не жить.
Самоотдача важнее, чем борьба в темноте:
Наша сила для вас, ваше лоно для нас — невеликая ценность.
И кстати, часть бесчеловечнее целого:
столкнувшись, мы разорвали б друг друга на части
как по приказу хозяев — глупые, глупые псы!!!

Тихо.
Лишь далекие всхлипы водопроводных труб.
Я один. Кому я кричу?
Вижу:
Я мог бы быть честным, но для кого и зачем?

Эта речь — как вино, которым блюешь в зеркало в туалете.
Все мы знаем, сколько стоит покаянье в беде.
Так легко выглядеть чистым, словно Пилат, умыть руки.
Судить других ты всегда герой, но судить себя ты боишься,
боишься?

Я стою высоко —
выше любых слез.
Солнце
бомбой падает в зелень,
взрывая ее,
и молнии
кругами расходятся
в ослепительном небе.
А здесь, в пруду,
медленно
всплывают вверх брюхом
оглушенные взрывом
тополиные листья.

Перевод Сергея Панцирева

Лужайка среди молодых деревьев

Памяти Сандро Боттичелли

В ветвях молодых деревьев поет скрипка Вивальди, и стройные молодые люди поднимают головы, прислушиваясь. Травинки поднимают головы, и сухая пыльная кора становится гладкой и нежной, сквозь нее пробиваются листья, без борьбы и без усилий, словно бы и не были они скованы морозами, пробиваются сквозь тающий снег, дрожат на склонах холмов. Потому что твердое и крепкое погибает, а нежное и слабое начинает жить, как поет смычок этой скрипки. Любой имеющий уши, как эта молодежь, надевает легчайшие одежды и покидает царство стен, внутренних и внешних, ведь в каждой стене есть невозможность обновления, каждая стена приходит в мир из нашего сознания, словно покрытый морщинами бородатый младенец, лишь ради разрушения, лишь ради смерти, открывающей новую жизнь. Потому что настоящая бесконечность не находится ни на твоей вертикальной оси, Время, ни в ваших каменных лабиринтах, Менес, Минос! Единственная соразмерная человеку вечность — это деревья, весенние трепещущие деревья, недолгая радость, безличное растворение в весне; единственная соразмерная человеку бесконечность — в весеннем обновлении природы на лужайке среди молодых деревьев, где поет скрипка Вивальди.

Плывет, плывет смычок по струнам молодых побегов, но Тезей не слышит этого, взгляд его заполнен неподвижностью камня, чуждой бесчувственной сущностью, он слишком высок, чтобы отличать стог сена от надгробия: и то и другое — холм, и так трудно сражаться с тем, что нельзя победить, чему нельзя отомстить, — он не видит толку в этих переменах, в плодородии, в надеждах прорастающего семени; плывет, плывет смычок, но Психея, и черный ее напарник, Искуситель, не видят этого, поскольку они тоже заперты в лабиринте, замкнутом, словно змея, кусающая собственный хвост: они ничего не знают о том, что дает человеку силу, даже в самый безнадежный час, что есть зерно, как у всякого дерева, меньше, чем рисовое, горчичное, маковое зерно, где-то в глубине нашего сердца, и зерно это больше земли, неба и всей вселенной,

потому что есть внутри нас пространство, платоново тело из пятиугольников, где не светит Луна и не сияет Солнце, и есть лишь постоянный ровный свет ниоткуда, заполняющий все внутри абсолютным счастьем любви.

В этом и причина, и следствие. Ведь все сущее, какое ни есть, — часть Целого. Как эта лужайка среди молодых деревьев в лесу на пороге Возрождения, где поет, поет весенняя скрипка Вивальди.

Перевод Сергея Панцирева

Тезей в лабиринте

...Она родила Астерия,
прозванного Минотавром.

Аполлодор

Отец!
Стеною плача стала
Стена Акрополя теперь:
Ночь в город принесла лишь слезы,
Стенания и вопли матерей!
Напрасно ты закрыл окно,
Я слышу, что час мой пробил:
Барки Миноса разверзли чрева
И требуют свежей крови.
Но по какому же закону,
Каким судом, в конце концов,
Приносят в жертву наши жизни
За поражения отцов?
За что такое наказанье
Нам выпало? Какою мерой
Для безопасности своей
Ты отправляешь нас на смерть?
Какие темные Мойры,
Чьим колдовством, чьим решеньем
Создали тирана-быка,
Сидящего на наших шеях?
И наши дети постепенно
Принимают образ его рогов,
Словно укус вампира
Заражает древнюю кровь:
Сын пишет донос на отца,
Греческая антропофагия!

О, отец мой, Эгей, невозможно
Лишь оплакивать прах.
Лишь вздыхать в тишине,
Утопая в горячих слезах,
Этого мало, да,
Совсем-совсем мало!

В пустых сводах дворца
Нет мне места,
Раз друзья мои вышли в Путь:
Раз судьбою мы избраны и измерены,
То мы воины, а не жертвы,
И за нами след от пролитой крови,
А не след от пролитых слез!
В конце концов, один лишь Путь
Готовит каждому Судьба:
Не выбираешь ты его,
А выбирает он тебя.
И если греческой ты крови,
И если дом твой — Крит,
Ты лишь поэтому виновен,
И ждет тебя Лабиринт.
Ни поле битвы, ни войска,
Ни триумф и ни измена,
А лишь фигура без лица,
И стены. И снова стены.
За что ни ухватись —
Лабиринт, пыль и темень.
Куда ни поверни —
Темень. И снова стены.
Твое сознанье — пустота,
Шаг направо, шаг налево.
Нить Ариадны ушла в песок.
Ты уходишь в себя, в ничто.
Ты просто крыса, не боец,
Шаг налево, шаг направо,
Все равно один конец:
Брюхо Минотавра.

Звон. Подземная страна.
В негативном нижнем мире
Твое сердце — все сосуды
Подвержены асистолии —
Хрипит и булькает, куда
Ни глянь, куда ни сделай шаг:
И тело рвется пополам,
И пополам душа.
Лишь тьма удержит меня целым,
Как обоюдоострый меч.

Но где же он? Где Главный Враг,
Что нашим пораженьям рад?
Здесь нет следов копыт в пыли,
Его мычания вдали
Не слышно. Кровью налиты,
Глаза его из пустоты
Не смотрят. Вправо или влево?

Но здесь лишь стены. Снова стены.
Моя свобода в стенах скрыта,
Свобода в рамках Лабиринта.
Не знаю, кто и почему,
Пока держу свой меч, иду.
Иду, пока есть силы в мышцах,
Надежда в заданных границах.
Игра без правил. Все в пыли.
Невидимо лицо в тени.

Дни проходят. Я, отчаясь,
Их на камне отмечаю.
Битвы нет, конец все ближе,
Враг не виден, враг не слышен.
Если он настолько грозен,
Почему он не выходит?
Может, этот полубык
Кем-то раньше был убит?
Или сам сдох в этих стенах?
Или никогда и не был?
Он лишь отзвук сказок старых
Или тень моих кошмаров?
Смерть все ближе. Ночь летит.
От позора не уйти.
Кости предков. Плесень. Пыль.
И поток слепой судьбы.
Я б ушел отсюда, но
Иной судьбы мне не дано.

Время ржаво. Пусты обеты.
Есть Лабиринт. И нет Победы.

Но день мой придет, и станет видно,
Кого я преследовал в Лабиринте,
И я не узнаю его в изможденном
Лице, пыльным зеркалом отраженном.

Перевод Сергея Панцирева

Триас дождя

В сей день разверзлись все источники великой бездны,
и окна небесные отворились.

Быт. 7:11

Дождь не прекращается: капли звенят .. Боги потопа. Ану — запах дождя. Цуни Гоам
словно мелочь планктона в воде, и поток .. в беглом движении струй. Купель
набухает диковинной рыбой, ее плавники .. Золотого Квазя переполняется. Ворон
проникают сквозь трещины стен, капля за каплей .. обернулся Громовою птицей
исподволь, пятой колонной .. и полумесяц — рогом Быка Рудры
проходят сквозь стены. Небо .. копыта его в грязи
взрывается, как труба под напором воды. Дождь .. Бог кукурузы
кровяной, дождь серный ломает .. нам уже не поможет
крыши и этажи, увлекая в воронку .. воронка в пруду Вселенной
стоги сена, деревья .. покрывается пеной, в нее
безумною архитектурой .. прыгает Дак — сатанинская жаба
капель и струй .. Иштар стонет, словно роженица,
Вершина горы — разрушенный торс .. Осирис медлит с решеньем,
и сбитые струями птицы .. дракон Ин тянет крылья
плывут, как кресты .. крестом по воде,
Вода — колыбель и гроб .. смеется и плачет

Под водой затихает колокол
Земли больше не видно
Где же голубь
??

Перевод Сергея Панцирева

Тримурти снега

Снег не прекращается: падает на С Броуновская музыка. Столкновения.
крыши, на ветви деревьев, н Выставка кристаллографии.
на дороги, на все е Множество векторов,
теплые трещины почвы, г векторное поле.
скрывает следы колес . Падение снега: параллельные лучи,
Состаривает деревья, засыпает В функция ветра.
в падении, падает во сне е Односвязные области
непрерывно и постоянно, как сводный т комплексного пространства
незаконнорожденный брат дождя, е В последних лужах осени
укрывая чердаки и канавы р тающий снег,
драгоценной жемчужной пылью . зона неопределенности.
Провода гудят иностранною речью. З — Что сегодня?
Последние листья осени, е — Четверг.
Хлопковая пряжа, белая солома, снег, снег, снег. м Интегралы Коши
Пар над поверхностью луж, снежная пыль на кустах, л рисуют линию берега
Белое небо, в котором я Воспоминания
даже вороны не летают . движутся в направлении,

Среди заснеженной сирени —
хозяйка дома, в черном.
Обветшалая кладбищенская стена
устала от скорби.

Н
е
б
о
.
Б
е
л
о
е

противоположном времени.
Небо и земля
суммируются
кладбищенскими крестами.

Смотрю на снег тремя глазами. Всеми тремя лицами.
Фрау Гайсс все еще
вспоминает своих погибших.

Перевод Сергея Панцирева

Меч Галаада

Сэр Галаад — тот, кто найдет Святой Грааль —
будет нести меч, цветом подобный огню.

La Queste del Saint Graal

О, Иерусалим Торквато Тассо!
Господень Гроб.
В твоем колодце пересохшем
лишь песок.

Здесь нет Орла, Тельца и Льва,
ты заперт вечно
в воображаемых квадратах
бесконечных!

В глазах всех готфридов — песок!
И в их карманах —
песок, и желтые обломки
развалин странных.

Свинец и ртуть напрасно ждут,
миг выбирают:
Меркурий, Солнце и Луна
не совпадают.

Литейных форм ржавеет жесть,
ничто здесь не сбылось.
В котлах алхимиков кипит
не золото, а злость!

В глазах всех персивалей катарактой —
лишь синие поля.
Безадресной небесной добродетели
Бесплодная земля.

Как вектор желтый с синим пересечь?
Взмах крыльев бабочки — и мира не сберечь.
Сэр Галаад уже несет свой меч.

Перевод Сергея Панцирева